

Немцы-спецпоселенцы в Удмуртской АССР в 1945–1955 гг.

Алексей Шепталин

German special settlers in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in 1945–1955

Aleksei Sheptalin
(Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24030122, EDN: GCUUVD

Несмотря на массу изданной в постсоветский период научной и публицистической литературы, «немецкий» феномен в истории Российского государства нуждается в осмыслении. Объектом настоящего исследования стала группа российских немцев, размещённая на территории Удмуртской АССР в 1945–1955 гг. в статусе спецпоселенцев, основные параметры их правового и социокультурного бытования в условиях иноэтноязыкового окружения. Хронологические рамки определены началом и окончанием действия режима спецпоселения¹, ограничивавшего в СССР права некоторых категорий граждан по национальному и социальному признакам. На фоне обширной российской историографии по немцам-спецпоселенцам² применительно к Удмуртии данная проблема изучена недостаточно. Исследования по немцам Прикамья появились ещё в середине 1990-х гг.³, однако публикации, посвящённые теме спецпоселенцев, увидели свет лишь в начале 2000-х гг.⁴ Они базировались на материалах опросов и интервью, в них практически не использовались документальные и статистические данные. В основе же проведённого мною исследования лежат архивные документы, дополненные воспоминаниями более 50 участников и свидетелей описываемых событий

По переписи 1939 г. в автономии проживали лишь 229 человек немецкой национальности. Однако статистика на тот момент уже подверглась деформации вследствие того, что многие немцы под влиянием внешнеполитического фактора и этнокультурной ассимиляции в условиях дисперсного проживания записывались русскими. Даже на пике дружбы СССР и Германии, на рубеже 1940–1941 гг., немецкие фамилии могли служить причиной отказа при приёме на работу на оборонные предприятия, переводах на должности, не связанные с доступом к засекреченным документам, и т.п.

© 2024 г. А.А. Шепталин

¹ Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенцев» // Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 563–564; Указ Президиума Верховного совета СССР № 129/23 от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000. С. 289.

² См., например: *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003.

³ *Шепталин А.А.* Немцы в Вятско-Камском регионе (историко-этнографические очерки). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1996.

⁴ *Кельм О.* Чтоб жить — не умирать. Глазов, 2002; *Кельм О.* Сквозь все невзгоды. Глазов, 2004.

В сентябре 1941 г. в Удмуртии появилась первая группа перемещённых советских немцев — мужчины призывного возраста с Восточной Украины, Крыма и Северного Кавказа, депортированные на основании закрытого постановления Политбюро ЦК ВКП(б)⁵. Вскоре начали прибывать партии немцев-военнослужащих, снятых «из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной армии как на фронте, так и в тылу» на основании директивы Наркомата обороны СССР от 8 сентября 1941 г.⁶ Поскольку тех и других мобилизовали в строительные батальоны, в годы войны они чаще всего фигурировали в документах в качестве «трудмобилизованных немцев» (или просто «мобнемцев»). В Удмуртии большинство из них распределили в леспромхозы на заготовку и пиление леса. Позднее, в декабре 1942 г., из Алма-Аты в г. Сарапул доставили крупную группу — 507 человек — для работы на стратегически важном машиностроительном заводе в качестве токарей, слесарей и разнорабочих⁷.

С учётом того, что значительную часть контингента позже перевели в соседнюю Пермскую обл., за годы войны по данным НКВД—МВД СССР в Удмуртию «всего прибыло мобилизованных немцев 870 человек», из которых 9 умерли, 150 оказались комиссованы по состоянию здоровья, 84 дезертировали, 19 попали в места заключения⁸.

Мобнемцы прошли суровую проверку на благонадёжность. Тем не менее на основании постановлений СНК СССР № 34—14с и 35 от 8 января 1945 г.⁹ их прикрепили к спецкомендатурам, они не имели права без специального разрешения отлучаться за пределы установленного района. Многие месяцы учёт оставался довольно формальным. Ужесточение началось осенью 1945 г., когда в Удмуртии разместили крупные группы немцев-репатриантов. В их число попали бывшие граждане СССР немецкой национальности, которые в 1941—1942 гг. оказались в зоне оккупации и позднее в принудительном или добровольном порядке были вывезены в Германию. Репатриации подлежали бывшие советские немцы, оказавшиеся в 1944—1945 гг. в зоне оккупации Красной армии, а также, согласно договорённости союзников по антигитлеровской коалиции, попавшие в зону оккупации США и Великобритании. Лишь небольшая их часть осталась в западной зоне, основная же масса изъявила желание вернуться в СССР, найти потерянных родственников. В результате многочисленные группы репатриантов в 1945—1946 гг. разместили на огромных пространствах Казахстана, Средней Азии, Коми АССР, Приуралья, Урала и Сибири. Большинство составляли немцы с Украины.

Таким образом, основная масса спецпереселенцев попала в Удмуртию уже после окончания войны. С сентября по декабрь 1945 г. в республику из проверочно-фильтрационных пунктов городов Бреста, Равы-Русской, Кобрина

⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР» // Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. М., 2006. С. 314.

⁶ URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/21/44/182>

⁷ Информационный центр МВД по Удмуртской Республике (далее — ИЦ МВД по УР), ф. 60-Л, оп. 1, д. 20, л. 59.

⁸ Там же, л. 151 об.

⁹ Постановление СНК СССР № 34—14с от 8 января 1945 г. «Об утверждении положения о спецкомендатурах» // Сталинские депортации... С. 561—562; Постановление СНК СССР «О правовом положении спецпоселенцев».

и Инстербурга в пять этапов доставили 8624 репатрианта, из которых мужчины составляли 17%, женщины — 41%, дети и подростки — 42%¹⁰. При перевозке в переполненных вагонах и трюмах ослабевшие дети и старики нередко умирали от голода и болезней. На больших перегонах живым по несколько дней приходилось ехать рядом с окоченевшими трупами, пока на узловых станциях последние не активировала специальная комиссия. По прибытии немцев распределили между трестами «Ижлес», «Ижторф» и стройуправлением № 904 НКВД СССР в г. Глазов. 740 человек направили на отдельное Дзякинское торфопредприятие, относившееся к оборонному заводу № 544 в Глазове.

В отличие от мобнемцев, к которым местное население отнеслось сравнительно лояльно и даже с определённым сочувствием, репатрианты в полной мере почувствовали на себе негативное влияние своей этнической принадлежности. Они прибывали крупными группами, что резко выделяло их на общем фоне — по внешнему виду, одежде, акценту. А главное, в ходе войны слова «немец» и «враг» стали для многих советских граждан синонимами. Как следствие, первое время репатрианты часто слышали оскорбления, некоторые из местных кидали в них камни и палки.

До 1949 г. учёт в спецкомендатурах вёлся по трём основным категориям: «мобилизованные», «репатрианты» и «выселенцы». К последним относились выселенные на основании правительственных решений из Поволжья, Украины, Крыма, Северного Кавказа, Закавказья и западных приграничных областей. В Удмуртии эта категория пополнялась за счёт незначительного притока из ряда других регионов, главным образом вследствие перераспределения трудовых ресурсов. С 1949 г. и бывшие мобнемцы, и репатрианты, и беженцы из числа немцев фигурируют в документах в качестве выселенцев. Это означало, что они переселены в новые места «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства»¹¹.

С января 1945 г. на основании постановления СНК «О правовом положении спецпереселенцев» немцам приходилось ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре и проходить там опрос, а также незамедлительно сообщать о каких-либо изменениях в семье (например, рождении ребёнка). В справке — основном документе спецпоселенца — указывался населённый пункт, в пределах которого ему требовалось постоянно пребывать. Отлучка в соседнюю деревню приравнивалась к побегу и предусматривала уголовное наказание, а не поправившиеся коменданту или милиционеру слово или интонация могли обойтись в 50–100 руб. штрафа или 3–5 суток ареста.

Окончание своих бед и лишений, возможность воссоединения с родными и близкими мобнемцы связывали со скорым разгромом Германии. Даже спустя несколько месяцев после победы они продолжали верить в справедливость, что подкреплялось ослаблением контроля и практически полным снятием охраны, которая переключилась на прибывавших в Удмуртию спецпоселенцев из числа иных категорий (членов семей оуновцев и др.). Затянувшееся ожидание выдерживали не все — многие пытались без разрешения выехать к своим семьям, к детям. Так, из 507 сарапульских мобнемцев на декабрь 1945 г. числились

¹⁰ ИЦ МВД по УР, ф. 60-Л, оп. 1, д. 20, л. 150.

¹¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 171 от 24 ноября 1948 г. «О выселенцах» // Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. М., 2013. С. 666–668.

«бежавшими» 84 (36 мужчин и 48 женщин). Практически всех их разыскивали и привлекли к уголовной ответственности за дезертирство.

Трудоспособных репатриантов уже в день прибытия направляли на местные предприятия, остальных размещали во временном жилье (как правило, землянки или наспех сколоченные дощатые жилища — «юрты»). Изначально планировалось, что со временем их переселят в тёплые бараки по мере их строительства, однако некоторым семьям пришлось обитать в землянках многие годы. На Дзякинском торфопредприятии даже землянки были пределом мечтаний. Так, в феврале 1946 г. нарком внутренних дел Удмуртской АССР Ф. Баранов с определённой долей возмущения сообщал руководству республики: «В течение двух месяцев работы спецпереселенцев в предприятии жилые помещения для них не оборудованы. В бараках и домах, где помещены немцы, большая скученность, люди спят на полу, печи не отремонтированы, помещения не отеплены и достаточно не отапливаются, в силу чего имеют место массовые простудные заболевания и смертность. За декабрь 1945 г. умерло от воспаления лёгких и кори 12 чел[овек], из коих детей — 10 чел[овек]. Медицинский пункт до сих пор не организован, и медпомощь больным фактически не оказывается. Число освобождённых от работ по болезни растёт с каждым днём, в январе 37% работающих не выходило на работу по болезни. Дезокамера и баня из-за отсутствия дров работают нерегулярно, в результате чего завышенность спецпереселенцев составляет 46%. Работающие спецпереселенцы несвоевременно обеспечиваются продкарточками. На 27 января сего года 68 чел[овек] совершенно не получили продкарточек и по 15 января не были обеспечены хлебными карточками»¹².

Селили прибывших компактно, формируя на окраинах населённых пунктов «немецкие посёлки», например, «5-й участок» в Глазове, прозванный горожанами «Берлином». Крупные поселения сформировались в Сарапуле и посёлке Ува, а в таких рабочих посёлках, как Тюлькино-Пушкари, Нюрдор-Котья, Вишур, Кильмезь и др., немцы на какое-то время даже составили большую часть жителей. Впрочем, репатриантов размещали и группами по несколько семей — в небольших поселениях, на лесоучастках, на железнодорожных станциях и разъездах.

С весны 1946 г. ускорилась демобилизация некоторых категорий мобнемцев, начавшаяся ещё в 1945 г. и обусловленная полом, возрастом и состоянием здоровья. В связи с ликвидацией в Удмуртии рабочих колонн бывшие мобнемцы переводились в категорию спецпоселенцев-выселенцев, часть которых (главным образом возрастные и комиссованные) получила возможность выехать к родственникам, депортированным в районы Казахстана, Сибири и Средней Азии, либо, наоборот, пригласить оттуда свои семьи. Это было непросто, поскольку паспорта имелись лишь у мобнемцев, но и в них стояла отметка о праве проживания в пределах определённого региона. Процесс воссоединения семей начался, однако растянулся на десятилетия из-за бюрократических препон (обращения, разрешения и согласования). К тому же трудоспособных мобнемцев власти жёсткими методами удерживали на местах, чтобы не допустить оттока рабочей силы с предприятий и не снизить производственных показателей.

¹² Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики, ф. 16, оп. 1, д. 4412, л. 1–1 об.

В 1946 г. из почти 10 тыс. немцев-спецпоселенцев Удмуртии более половины трудились в леспромпхозах и на торфопредприятиях. Женщин было вдвое больше, чем мужчин, поэтому им пришлось осваивать профессии, связанные с тяжёлым физическим трудом. Несколько десятков человек, обладавших востребованными профессиями, разместили в Ижевске, где они стали работать в строительно-монтажном тресте и в механических мастерских. Верхом доверия для них в этот период оказывалось назначение на должность бригадира, товароведа, плановика, диспетчера, заведующего подсобным хозяйством.

Больнее всего по переселенцам ударил затяжной голод 1946–1948 гг. — у них быстро закончилось всё, что можно было бы продать или обменять на продукты. Особенно тяжёлым выдался 1947 г. С ранней весны истощённые люди начали перекапывать картофельные поля в поисках мёрзлых картофелин. В мае–июне спасали щи из крапивы и лепёшки с лебедой. Затем наступил черед цветов липы и клевера, различных трав вроде щавеля, а также кореньев, грибов и ягод. От нового удара голода спас осенний урожай картофеля, полученный благодаря тому, что весной всех желающих наделили небольшими земельными участками (1–2 сотки). Заводили коз, другую домашнюю скотину и птицу. Хлеба по карточкам отпускалось мало, да и тот зачастую оказывался низкого качества из-за добавления отрубей и примесей. Иной раз не получалось отоварить и карточки: зарплаты не всегда хватало даже на необходимое, особенно на торфопредприятиях из-за нестабильности заработков. По этой причине практически все дети в торфяных посёлках, особенно в неполных семьях, начинали трудиться уже в 7–8 лет, стараясь заработать хоть что-то, чтобы помочь матерям.

Несколько легче приходилось полным семьям и тем, в которых подросли сыновья, имевшие больше возможностей для подработки. В больших семьях выручали сплочённость и взаимовыручка. Напротив, одинокие пожилые люди оказывались обречены. В одном только Увинском районе из числа немцев насчитывалось «18 человек одиночек-престарелых, которые не могут быть трудоустроены и поэтому все они занимаются нищенством и влачат исключительно жалкое существование»¹³.

Недовольство нарастало, у немцев оно дополнялось возмущением по поводу дискриминационной политики государства. Война закончилась, и люди хотели воссоединения с семьями, возврата к родному очагу, довоенной жизни, прекращения преследований по этническому признаку. У немецких детей часто возникали проблемы в школе: многие из них не говорили по-русски, а их полуголодные матери, с трудом сводившие концы с концами, не всегда могли обеспечить их даже простейшими школьными принадлежностями. Одни писали письма во все возможные инстанции, другие тихо роптали, третьи молчали, но в знак протеста отстранились от большинства проявлений общественно-политической жизни, запрещали детям вступать в пионерию и комсомол, ходить на демонстрации.

Государство ответило на протестные настроения новыми репрессиями. По стране прокатилась очередная волна надуманных уголовных дел за «антисоветскую» деятельность, например, критику массовых депортаций или режима спецпоселения. У мобнемцев изымались паспорта, массово следовали отказы во временном выезде в другие населённые пункты — в командировки, на кратко-

¹³ ИЦ МВД по УР, ф. 60-Л, оп. 1, д. 27, л. 8.

срочные учебные курсы, за продуктами и даже в больницу. Соответственно, увеличилось количество привлечённых к административной ответственности. Нарушителя могли даже избить — «для профилактики». Спецкоменданты активизировали поиск «вражеских агентов», разными методами принуждая людей становиться осведомителями и доносить друг на друга. В большей степени это касалось репатриантов, среди которых беспрестанно шёл поиск лиц, сотрудничавших в период оккупации с нацистским режимом. Из-за этого существенно замедлился процесс воссоединения немецких семей. В Удмуртии разрешение на него по году и более ожидали около 1 тыс. семей и одиночек.

В 1948 г. из-за многочисленных попыток побегов спецпоселенцев последовало ужесточение ответственности: теперь нарушителям режима вместо трёх лет лишения свободы грозило 20 лет каторжных работ. Для предупреждения побегов МГБ СССР создало разветвлённую агентурно-осведомительную сеть, а для перехвата и поимки беглецов — сеть постов оперативно-розыскных застав. Лица, оказавшие беглецам содействие, подлежали лишению свободы на срок до 5 лет. Также в указе президиума Верховного совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного проживания лиц, высланных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны», говорилось, что немцы и другие депортированные в годы войны народы переселены «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства»¹⁴. Из-за секретности указа многие немцы узнавали о нём, лишь будучи привлечёнными к уголовной ответственности. Фактически они превратились в изгоев — не могли служить в армии, вступать в КПСС и поступать в вузы (за крайне редким исключением).

Указ обнажил жилищную проблему, которая годами не решалась ни властями, ни работодателями ввиду ожидания возможного отъезда спецпоселенцев. Временное жильё отныне рассматривалось как постоянное, и стало ясно, что дальше жить в таких условиях нельзя. Судя по милицейскому отчёту от марта 1949 г., в Глазове большинство немцев проживали в «ненормальных жилищно-бытовых условиях... скученно, по 2—5 семей в одной небольшой комнате, по 7—8 семей в одной юрте, перегородженной на маленькие комнаты временными перегородками»¹⁵. Часто из-за дефицита пространства детские кровати поутру переставляли на родительские койки и лишь на ночь устанавливали в проходах.

Ведомственная проверка МВД УАССР, проведённая в декабре 1948 г. в Сарапуле, показала, что руководители городских предприятий, несмотря на неоднократные предупреждения, «необходимых мер к созданию нормальных жилищно-бытовых условий высленцам не приняли. Жилые помещения остались не отремонтированными и к зиме не подготовлены. Так, например, барак № 5 по ул. Труда дом № 81, принадлежащий кожзаводу, к жилью непригоден, ремонта произведено не было, высленцы живут скученно в одной комнате по несколько семей, крыша протекает, полы прогнили. Вторые рамы отсутствуют. Санитарное состояние неудовлетворительное. В доме по ул. Труда № 72 в трёх комнатах проживают 19 семей с общей численностью 65 человек, работающих в Камлесосплаве, лесокомбинате и кожзаводе. Помещение тёмное, сырое, холодное»¹⁶. В Глазове проверка выявила девять «непригодных для жилья в зим-

¹⁴ ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 36, д. 450, л. 87.

¹⁵ ИЦ МВД по УР, ф. 60-Л, оп. 1, д. 44, л. 311.

¹⁶ Там же, д. 20, л. 65.

них условиях» деревянных юрт, в которых проживали 212 человек. В посёлке 17-го лесоучастка Увинского леспромхоза «группа выселенцев в количестве 7 семей живут в общем бараке, который не разделён на отдельные комнаты. Многие из помещений, предоставленные для жилья, не оборудованы, зимой холодные и исключительно поражены клопами»¹⁷.

В сельской местности дела обстояли лучше: леспромхозы и торфопредприятия оказывали работникам определённую помощь. В частности, трест «Ижлес» предоставлял наиболее нуждающимся ссуды на индивидуальное строительство с рассрочкой на 10 лет, вследствие чего уже в 1948 г. немало семей спецпоселенцев переехали в небольшие собственные дома. Также предоставлялись ссуды на приобретение крупного рогатого скота, без которого в посёлках было трудно выживать из-за перебоев с поставками продуктов питания. Особенно сложная ситуация в 1947–1949 гг. сложилась в отделе рабочего снабжения Сюмсинского леспромхоза, в магазинах которого, как свидетельствуют документы, «продуктов питания почти совершенно не бывает. Хлеб в магазинах ОРСов продаётся в ограниченном количестве, рабочим, работающим на производстве, продаётся до 1 кг, членам семьи — от 200 до 300 гр.»¹⁸. В Увинском районе «на 17 участке в магазине ОРСа нет в продаже круп, дешёвых жиров, рыбы, мяса, овощей. Кроме того, на протяжении мая месяца при потребности 650 гр. хлеба ОРС отпускает только 500 гр., вследствие чего создаётся у магазина очередь, которая не рассредоточивается сутками»¹⁹.

При строительстве нового засекреченного завода в Глазове решили отказаться от использования труда репатриантов, завезённых туда первоначально. Причинами этого послужили опасение засланных из Германии шпионов и невысокий уровень квалификации спецконтингента. В результате в декабре 1948 г. около 1,9 тыс. немцев, в основном женщин, стариков, детей и подростков, переселили в центральные районы Удмуртии. На строительство же завода в связи с ликвидацией трудармии ещё в марте–апреле 1948 г. привезли около 2 тыс. проверенных годами ударной работы мобнемцев из Челябинской обл., которых расселили в бараках и землянках у самой городской черты. Таким образом, к началу 1949 г. общая численность немцев в Удмуртской АССР, несмотря на отток, связанный с демобилизацией, комиссованием и отъездом для воссоединения семей, сохранилась на уровне около 10 тыс. человек²⁰.

С началом холодной войны перемещения спецпоселенцев затронули многие города СССР, в которых располагались предприятия оборонной промышленности. В связи с организацией в Ижевске секретного оружейного производства город подлежал «закрытию» для любых неблагонадёжных элементов, среди которых иностранная разведка могла бы наладить шпионскую сеть. Как следствие, в 1948 г. ижевских немцев стали вызывать в спецкомендатуру и настоятельно предлагать переехать в другие населённые пункты республики. Выбор был невелик — обязательным условием являлось наличие в посёлке или непосредственной близости от него спецкомендатуры. Многих в приказном порядке переводили в рабочие посёлки при леспромхозах и торфопредприятиях, где имелаась потребность в рабочей силе, а проблема жилья не стояла так остро.

¹⁷ Там же, д. 27, л. 7.

¹⁸ Там же, д. 14, л. 34.

¹⁹ Там же, д. 27, л. 8.

²⁰ Там же, д. 20, л. 143.

Бывшим трудармейцам выдавали справки, в которых обозначался их новый статус — «спецпоселенец-выселенец». О возмущении людей очередным проявлением дискриминации можно судить по сохранившемуся письму преподавателя Удмуртского пединститута В.Е. Майера, которое он написал в Совет министров СССР, но не решился отправить: «28.4.1949 г. отдел спецпоселения Удмуртской АССР взял меня на учёт “спецпоселенца-выселенца”, потому что я немец. Для меня это удар, от которого ни я, ни моя жена Сысоева Борислава Петровна, не можем оправиться. Конечно, у меня нет никаких заслуг перед Советским правительством. Если я, тем не менее, Вам пишу, то я делаю это потому, что я надеюсь, что с Вашей помощью этот вопрос может быть положительно разрешён. Прошу учесть, что я учился в передовом нашем вузе, где имеются сильные партийная и комсомольская организации, что я и теперь продолжаю заочную учёбу в аспирантуре МГУ, что никогда не порывал с комсомолом, что с самого детства я готовлюсь быть верным членом ВКПб»²¹. Автор искренне не мог понять, почему он, исследователь, допущенный к работе с рукописями классиков в Институте Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), не вправе жить и работать в Ижевске. Ему всё же пришлось уволиться из вуза и выехать. Не получив разрешения от спецкомендатуры, он на свой страх и риск отправился в Москву для продолжения учёбы в аспирантуре МГУ. Грозивший уголовным преследованием конфликт разрешился относительно благополучно лишь благодаря заступничеству за подающего большие надежды аспиранта крупных учёных-медиевистов.

Особенное возмущение вызывала процедура ежемесячной отметки в спецкомендатуре, нередко сопровождавшаяся шантажом и угрозами. Наиболее частыми оказывались случаи дискриминации в трудовой сфере — например, при премировании по итогам соцсоревнования. Как правило, предвзятое отношение не афишировалось, но, например, на Областновском лесопункте секретарь парторганизации публично запретил говорить о достижениях спецпоселенцев, писать о них в газете и заносить их имена на Доску почёта. Даже добиваясь высоких показателей, немцы в силу идеологических причин не имели шансов войти в число передовиков производства и стахановцев.

Вместе с тем в документах нередко можно найти и сочувствие к немцам со стороны отдельных представителей власти, стремление помочь в тяжёлой ситуации. Так, отдельные неравнодушные спецкоменданты и сотрудники отдела спецпоселений МВД УАССР постоянно сигнализировали о нерадивом отношении руководителей тех или иных предприятий к их проблемам. Они постепенно добивались улучшения жилищно-бытовых условий, ликвидации задолженности по заработной плате, выделения земли под индивидуальные огороды, устройства одиноких стариков в инвалидные дома, содействовали организации красных уголков с газетами, журналами и музыкальными инструментами. Они реагировали на жалобы и, отстаивая права спецпоселенцев, даже порой вступали в конфликт с руководителями, предлагая МВД «срочно передать выселенцев для использования на работе в другие предприятия»²².

Немцы, особенно выходцы из Поволжья, сравнительно быстро и легко находили общий язык с местным населением, даже несмотря на акцент. Многоэтническое население Удмуртии само говорило на русском языке с акцентами

²¹ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 27.

²² ИЦ МВД по УР, ф. 60-Л, оп. 1, д. 27, л. 8.

и оказалось гораздо терпимее, чем более гомогенное население Урала или Сибири. Кроме того, немцы внушали уважение доброжелательностью, порядочностью, дисциплинированностью, трудолюбием и другими качествами. Они привнесли на местную почву элементы другой культуры, иного отношения к жизни и труду. Благодаря им хмурые рабочие посёлки обретали опрятно-ухаженный вид за счёт клумб с цветами, аккуратных дощатых тротуаров и штакетников, подстриженных кустарников, качелей, уличных елей, украшенных на Новый год, и т.п.

Конечно, случались и конфликты, драки «стенка на стенку». В посёлке Нюрдор-Котья произошёл курьёзный случай: группа побитых немецких парней обратилась к спецкоменданту с вопросом, можно ли им отвечать на удары обидчиков и не будет ли за это уголовного преследования? Получив положительный ответ, немцы пару раз «дали сдачи», после чего межэтнические драки резко пошли на убыль. Однако в целом вживание немцев в местное сообщество проходило достаточно спокойно.

Одно из свидетельств этому — многочисленные межэтнические браки, в том числе и немецко-удмуртские. Их обилие обуславливалось несколькими обстоятельствами. Во-первых, выбор партнёров ограничивался территорией спецпоселения. Во-вторых, существенно различалось число немецких мужчин и женщин брачного возраста. Этот дисбаланс искусственно вырос в декабре 1948 г., когда в Глазове, где на тот момент проживали 4 тыс. немцев, оставили многочисленную группу мужчин — бывших мобнемцев, а женщин из числа репатриантов переселили в центральную часть республики. В результате численность немцев старше 16 лет составила в городе 1366 человек, а немок — 548²³. Обратная ситуация сложилась в центральной Удмуртии, где немок после 1948 г. стало заметно больше. Вследствие этих обстоятельств удельный вес межнациональных браков всего за пару лет увеличился в несколько раз.

Часть немок в тот период стремилась выйти замуж за представителя другого этноса и сменить фамилию, чтобы избавиться от связанной с их происхождением стигмы. Известно и немало случаев, когда немцы, вступая в такого рода брак, брали фамилии жён. Многие до появления детей жили в гражданском браке, без регистрации. Доходило до того, что представители партийно-комсомольских органов, спецкоменданты и даже сотрудницы отделов ЗАГС оказывали давление на русских и удмуртских девушек, пытаясь отговорить их от браков со спецпоселенцами, а иногда и отказывая под тем или иным предлогом в регистрации. Наиболее сильно это проявилось опять же в Глазове. До 1956 г. практически в половине случаев брачующиеся сохраняли прежние фамилии. Дети от смешанных браков чаще всего записывались на фамилию и национальность не немецкого родителя, в первую очередь по инициативе самих немцев. Нередко случалось, что братья и сёстры, родившиеся с разницей в несколько лет, жили в одной семье под разными фамилиями.

В наибольшей степени стремление к созданию моноэтнических семей отмечалось среди репатриантов из числа лютеран и баптистов. Они также отличались довольно высокой степенью религиозности. Местное руководство по-разному относилось к религиозным собраниям, но до 1955 г. по большей части старалось их не замечать. В результате крупные лютеранские общины действовали в Сарапуле и Глазове, а также в Уве. Верующие собирались для молитв,

²³ Там же, д. 44, л. 311.

выбирая барак или землянку попросторнее. Народу порой набивалось столько, что не вмещались все желающие. Вместе отмечали религиозные праздники, устраивали песнопения. На рубеже 1940–1950-х гг. некоторые семьи построили сравнительно просторные дома, что позволило собираться на богослужения гораздо большему числу прихожан. В отсутствие мебели рассаживались на импровизированные скамьи из напиленных чурок и досок. Среди молодёжи проводились обряды конфирмации. По лютеранскому обряду отпевали и хоронили. У католиков также сохранялась практика домашних молений, но многие посещали православные храмы и нередко переходили в православие.

С религией был связан и календарный цикл праздников, среди которых и у католиков, и у лютеран на первом месте стояло Рождество Христово. Как бы бедно ни жила немецкая семья, в этот день непременно ставилась ёлка. Украшения делали из простой бумаги, раскрашенной цветными карандашами, большой удачей у детей считалось раздобыть обёртки от настоящих конфет, которые можно было набить ватой. Рождество среди спецпоселенцев отмечали даже атеисты. Из других праздников у старшего поколения наибольшей популярностью пользовались Пасха и Пятидесятница-Троица.

Режим спецпоселения в условиях оттепели. Немцы являлись крупнейшим из депортированных в годы войны народом, и острота «немецкой» проблемы осознавалась многими руководителями страны. Закономерно, что уже через год после смерти И.В. Сталина вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, предусматривавшее сокращение численности и категорий спецпоселенцев, а также послабление режима пребывания в ссылке²⁴. В июле 1954 г. отменили «драконовский» указ от 26 ноября 1948 г., а в сентябре установили порядок пересмотра дел осуждённых за побег из мест заключения или обязательного и постоянного поселения²⁵. С весны 1955 г. начались выдача паспортов советским немцам и призыв мужского населения в армию.

Визит канцлера ФРГ К. Аденауэра в Москву в сентябре того же года привёл к установлению дипломатических отношений между двумя странами и началу их долгосрочного сотрудничества. Потепление в советско-германских отношениях быстро отразилось на дальнейшей судьбе советских немцев. 13 декабря указом Президиума Верховного совета СССР их сняли со спецпоселения и освободили из-под административного надзора. Вторая часть указа, впрочем, оговаривала, «что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены»²⁶. Получалось, что советская власть признала политические ошибки и перегибы в отношении других народов, но не в отношении немцев, что выглядело как косвенное подтверждение их виновности. По словам респондентов, в местных партийных организациях до 1960-х гг. сохранялся негласный запрет не только на приём немцев в члены КПСС, но даже на браки с ними. В Глазове руководители предупреждали молодых коммунистов, что в таком случае им придётся «положить партбилет на стол».

²⁴ Постановление Совета министров СССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» // Реабилитация: как это было... Т. 1. С. 158–159.

²⁵ Лиджиева И.В. Правовой статус спецпереселенцев в СССР в 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 37.

²⁶ Указ Президиума Верховного совета СССР № 129/23 от 13 декабря 1955 г. ...

В январе—феврале 1956 г. «удмуртские» немцы в последний раз явились в спецкомендатуры, где их под расписку проинформировали, что они не имеют права на возвращение в места довоенного проживания. С началом выдачи паспортов многие, особенно выходцы из Поволжья, семьями и в одиночку стали перебираться к родственникам в места компактного размещения немецкой диаспоры — Казахстан и Сибирь. Всплеск миграционной активности в этот период напоминал броуновское движение, поскольку бывшие спецпоселенцы также приезжали в Удмуртию к своим семьям, близким и дальним родственникам. Перемещались они и внутри республики, главным образом из сельской местности в города. Однако в целом к моменту проведения первой послевоенной переписи населения (1959) численность немцев в республике сократилась почти вдвое — с 10 тыс. до 4,8 тыс. человек²⁷.

Помимо воссоединения семей немцы уезжали и по иным причинам. Некоторые — потому что воспринимали Удмуртию как место политической ссылки и даже каторги. Чем тяжелее были воспоминания, тем сильнее оказывалось стремление уехать. Немецкая молодёжь активно ехала на различные комсомольско-молодёжные стройки, на освоение целины. Некоторые при получении паспорта меняли фамилию, национальность и место жительства, чтобы раствориться в «братской семье народов».

Феномен истории немцев-спецпоселенцев в первое послевоенное десятилетие заключался в том, что, несмотря на единый правовой режим и при всей схожести развития событий, имелось немало особенностей, характерных как для Казахстана, Средней Азии, Сибири, Урала в целом, так и для конкретных местностей упомянутых регионов. Они могли варьироваться от состава спецпоселенцев и специфики предприятий, на которых их задействовали, до этнического состава местного населения и морально-личностных качеств представителей администрации и комендантов. Немцы, жившие в рассматриваемый период в Удмуртской АССР, менее негативно воспринимали условия спецпоселения и взаимоотношения с административными органами и местным населением, нежели бывшие спецпоселенцы из Пермской, Свердловской и Челябинской областей, Казахстана и Сибири. Тем не менее и они являют собой пример как приниженного правового статуса, так и противостояния жестокому государственному эксперименту. Они продемонстрировали не только жизнестойкость, но и яркие образцы налаживания хозяйства и адаптации к сложным социально-политическим и экономическим условиям.

²⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Ижевск, 1961. С. 71.